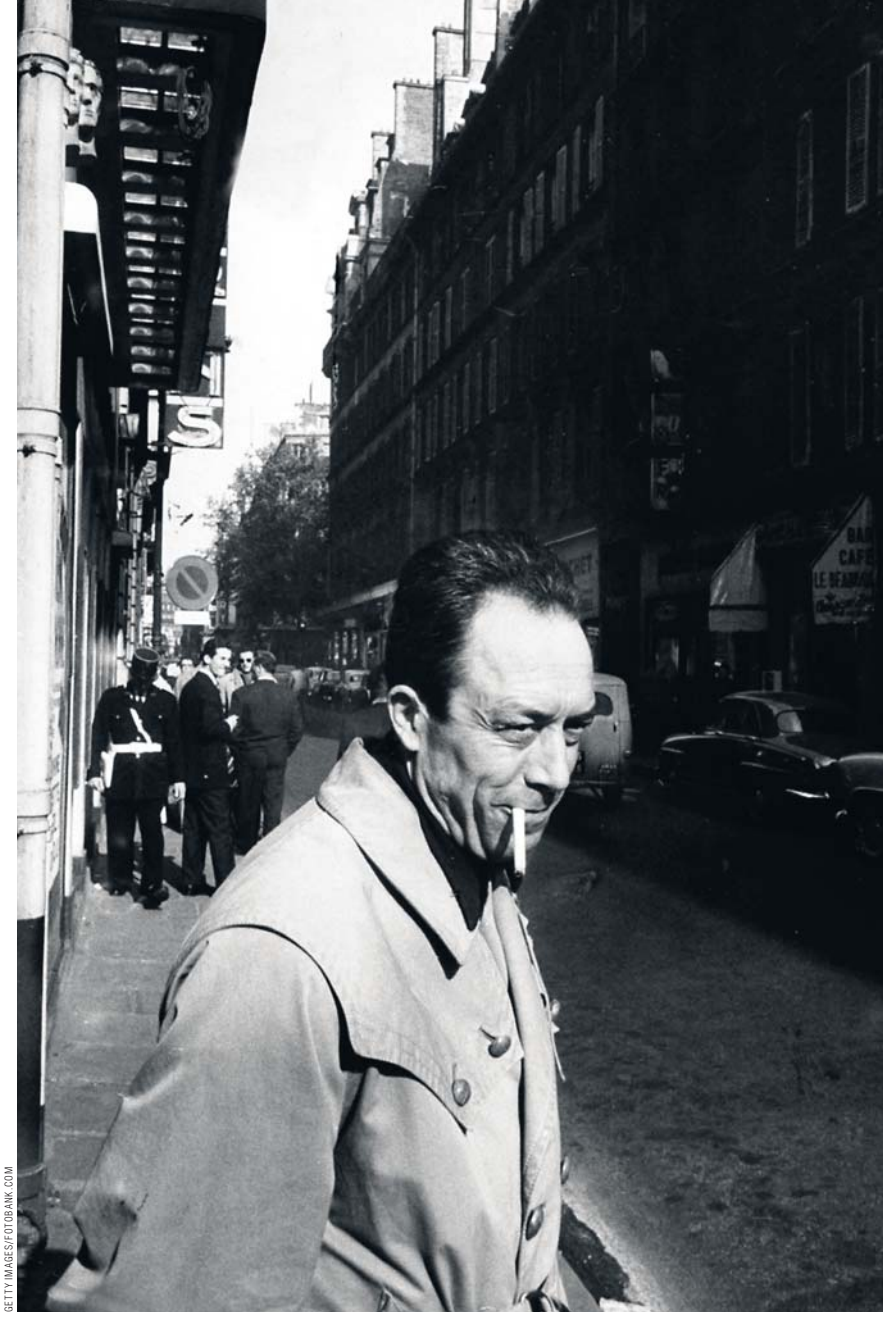
Упорство отрицаний

100 ЛЕТ АЛЬБЕРУ КАМЮ

Михаил Трофименков



GETTY IMAGES/FOTOBANK.COM

Альбер Камю рядом с театром Матюран, где идет репетиция его пьесы «Калигула», 1957 год

7 НОЯБРЯ 1913 года в семье кладовщика винного подвала, павшего в 1914 году, и неграмотной испанки-уборщицы родился Альбер Камю. Он станет подающим надежды футболистом, звездой журнала Vogue (1946) и великим алжирским писателем, прекрасным, «как юный Хамфри Богарт»: разве что его лицо «еще сильнее напоминало японскую маску, а вкус к жизни был еще экспансивнее», чем у «Боги» (журналист Жан Даниэль).

«Феодал», раскрывающий душу женщинам, поскольку заведомо считает их ниже себя (Симона де Бовуар), «простонародный аристократ» (историк Мишель Винок) интереснее, чем автор «Бунтующего человека» (1951) на прокрустовом ложе дефиниций: «совесть Запада», «атеистический экзистенциалист», «раскрывавший Франции глаза на преступления коммунизма».

Экстремальный моралист, который так мечтает об Америке, что врет в посольстве, будто никогда не состоял в компартии, интереснее, чем автор «Мифа о Сизифе» (1943) и «Чумы» (1947). Хотя страшно подумать, что было бы, напиши он как на духу: да, состоял, но был исключен за связь с троцкистами и «мессалистами» — алжирскими националистами из партии бородатого харизматика Мессали Хаджа.

Вопрос о Сизифе закрыт: свою правоту в дискуссии о хрупкой абсурдности или абсурдной хрупкости бытия Камю доказал смертью в ДТП. В его кармане нашли билет на поезд. Мог же уехать на нем из Прованса в Париж, но предпочел на авто с лихачом Мишелем Галлимаром за рулем.

Вскочив на барную стойку «Табу», притона «троглодитов Сен-Жермен», как называли в газетах всяких разных Вианов и Сартров, пьяный критик жаловался: «Есть несправедливость пострашнее тех, что мы обличаем в газетах! Эта живая несправедливость — перед вами! Это Камю! Ему дано все, чтобы соблазнять, чтобы быть счастливым, и более того, заносчивым. В общем, все добродетели — его! Эту несправедливость никак не исправишь!».

Уязвленная догадкой о «феодальном» сексизме Камю, Симона де Бовуар написала: «между его жизнью и творчеством лежала пропасть гораздо глубже», чем можно предположить, «он отдавал себе отчет, насколько его общественное лицо не совпадает с правдой его личности, и иногда это его смущало».

Она имела в виду не лицемерие Камю, а сложность его отношений с жизнью — сложность, содержащую больше смыслов, чем его книги. Благодаря этой сложности столетний Камю остается живым и актуальным: все, что о нем пишут, читать всегда интересно. В отличие от честного Сартра, адекватного своим текстам: о нем давно не узнать ничего новенького, кроме веселых деталей его и Симоны сексуальных практик, о которых рассказывают в мемуарах обиженные ими — ныне 80-летние — девушки.

Разрыв Камю и Сартра — ключевой эпизод в истории европейской мысли, напоминает ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Сартр постеснялся писать рецензию на «Бунтующего человека» — боялся обидеть — и поручил философу Жансону: «Франсис напишет по делу, но очень вежливо». Тот написал так вежливо, что в ответном письме Камю его другу Сартру самой галантной фразой было обращение: «Господин главный редактор!». Сартр в ответ попросил Камю раскрыть страшную тайну: «как так получилось, что любой, кто обсуждает ваше творчество, отнимает у человечества смысл жизни». И посоветовал Камю, которого воротит и от Сталина, и от Франко, переехать на Галапагосские острова.

Но память Камю он почтит как никто: «Он представал в этом веке и вопреки Истории действительным наследником той долгой череды моралистов, чье творчество, быть может, самая оригинальная составляющая французской словесности. Его упрямый, узкий и чистый, суровый и чувственный морализм вел неверный бой против тяжеловесных и бесформенных событий нашего времени. Или, наоборот, упорством своих отрицаний он восстановил в сердце нашей эпохи — вопреки макиавеллизму, вопреки золотому тельцу реализма — признание реальности нравственного поступка».